

Когда Чжоу Цинбай вернулся, он принес жене золотое ожерелье, золотое кольцо, пару золотых серег и пару золотых браслетов. А еще красивый нефрит, который можно было оставить для любования.

В настоящее время все эти вещи не могли быть раскрыты.

Чжоу Цинбай смог получить их только потому, что его старый товарищ служил в Бюро общественной безопасности. Иначе Цинбай не только не смог бы их получить, но и сам оказался бы под подозрением.

Как только эти были доставлены домой, Чжоу Цинбай отдал их своей жене.

Как и ожидалось, Линь Цинхэ была удивлена.

Она была в полном шоке. Она никогда не думала, что такой старомодный мужчина, как ее муж, принесет ей такие вещи, чтобы порадовать ее.

— Не показывай это снаружи, — жестко произнес Чжоу Цинбай, кашлянув.

Линь Цинхэ убрала украшения. Дети были еще маленькие. Она не могла допустить, чтобы они увидели это и растрепали по округе.

Линь Цинхэ сделала вид, что убирает украшения в безопасное место, хотя на самом деле поместила их в свое пространство, затем обратилась к Чжоу Цинбаю:

— Неужели ты думал об этом с того самого разговора?

Чжоу Цинбай никогда не умел выражать привязанность, но Линь Цинхэ понимала его. Она с улыбкой посмотрела на мужа.

«Действительно, этот человек такой странный. Если не я, то какая еще женщина смогла бы понять его замкнутый характер?»

Линь Цинхэ обняла его за талию и прижалась лицом к его груди. Прислушиваясь к сильным ударам его сердца, она сказала:

— Я просто сказала тогда. Не рискуй больше.

Чжоу Цинбай обнял ее в ответ.

Линь Цинхэ спросила:

— Что ты ел на обед? Ты наелся?

— Пельмени. Но не такие вкусные, как у тебя, — ответил Чжоу Цинбай.

Это не было лестью. Он так много ел стряпни своей жены, что совершенно не привык к еде на улице. Она сильно отличалась от той, что готовила его жена.

Линь Цинхэ хихикнула и сказала:

— Тогда сегодня мы будем есть пельмени с зеленым луком и пшенную кашу.

— Хорошо, — кивнул Чжоу Цинбай.

Линь Цинхэ оставила мужчину отдыхать, в конце концов, он ушел на целый день. А сама начала варить пшенную кашу, одновременно делая тесто.

Нет нужды говорить о том, каковы были способности Линь Цинхэ, особенно после переселения ее навыки готовки стремительно росли. Иначе и быть не могло, в семье было трое мальчиков, которых нужно было кормить, а также мужчина, который зависел от нее. Как же она могла не приготовить еду хорошо?

После того как пшенная каша была сварена. Линь Цинхэ вымыла кастрюлю и вышла на задний двор, чтобы нарезать лук-шалот. Она вымыла его, порезала на мелкие кусочки и обжарила.

После того как лук обжарился, Линь Цинхэ добавила туда омлет из яиц и обжарила, добавив соль. Затем она переложила получившуюся начинку в тарелку и стала заворачивать ее в тесто.

Завернув пельмени, Линь Цинхэ налила на сковороду масло и обжарила пельмени с двух сторон до золотистого цвета.

Запах быстро распространился по дому.

Дава еще не вернулся из школы, а Эрва и Саньва ушли играть.

Степень озорства подросткового Саньва была сравнима с таковым у его старшего брата, когда тот был меньше.

Однако Линь Цинхэ не стала сильно сдерживать малыша. Она лишь запретила ему подходить к реке.

Если он хотел пойти туда, то ему обязательно нужно было брать с собой маму, иначе если бы

она обнаружила, что он входил в воду без ее разрешения, она бы прекратила давать ему закуски на ближайшие семь дней.

Как-то раз Дава проявил непослушание и был уличен Линь Цинхэ, тогда она тоже не давала ему закуски в течение семи дней.

До сих пор это глубоко запечатлелось в памяти Дава.

Его младшие братья ели арбуз, а он — нет. Его младшие братья ели сладости, а он нет. Его младшие братья могли есть вяленую рыбу во фритюре, а он нет.

В течение этих семи дней его мать готовила множество вкусных вещей, но он не получил ни кусочка.

Не было наказания страшнее этого.

Хотя Эрва и Саньва были маленькие, они восприняли это как предупреждение. Им совершенно не следовало повторять за старшим братом и быть наказанными таким образом.

Линь Цинхэ правильно распределила время, и когда Дава вернулся из школы, она уже почти закончила жарить пельмени.

— Мама, так вкусно пахнет. Это пельмени с луком и омлетом? — глаза Дава сияли.

— Да. Иди и позови Эрва и Саньва. Время ужинать, — сказала Линь Цинхэ.

— Так рано? — не мог не произнести Дава.

— Да так рано, но позже мы сможем съесть сладкий суп из красной фасоли, — ответила Линь Цинхэ.

— Сейчас я их позову! — ответил Дава и пошел за братьями.

И Эрва, и Саньва были все в грязи от игр. Вернувшись, они пошли мыть лицо и руки под пристальным наблюдением Линь Цинхэ.

— Если в следующий раз придете такими грязными, разговор будет совсем другим! — ворчала Линь Цинхэ, пока дети умывались.

— Это все Саньва виноват. Он не знает, как играть со стеклянными шариками, и попросил меня научить его, — воскликнул Эрва.

— Ты тоже не знаешь. Ты ни разу не попал, — передразнил его Саньва.

— Тогда в следующий раз не проси меня быть с тобой в одной команде, — отмахнулся Эрва.

— Хорошо, тогда я буду в паре с Хоу Цзы, — ответил Саньва.

Этот парень стал особенно разговорчив с тех пор, как научился говорить, и совершенно не уступал, когда спорил с двумя своими братьями.

— Чего ты споришь? Немедленно вымой руки начисто. Если они не будут чистыми, тебе нельзя будет есть, — заявила Линь Цинхэ.

— Мама, отец еще не вернулся, — наконец вспомнил Чжоу Дава.

— Твой отец уже вернулся и отдыхает в комнате. Я пойду посмотрю, не проснулся ли он. А ты проследи за тем, как они моют руки, — ответила Линь Цинхэ и вошла в комнату.

Как только она вошла, она встретила взглядом с Чжоу Цинбаем.

— Ты проснулся. Я думала, что ты спишь. Раз уж ты проснулся, выходи будем есть, — сказала Линь Цинхэ.

Чжоу Цинбай уже давно проснулся. Слушая ее разговоры с детьми на улице, его сердце наполнялось теплом. Он был очень благодарен ей за то, что она подарила ему эту семью.

Рука Чжоу Цинбая потянулась к Линь Цинхэ.

Линь Цинхэ ухватила за нее, но мужчина потянул жену на себя. Она упала прямо в его объятия.

— Что ты делаешь? Дети могут войти в любое время, — робко сказала Линь Цинхэ.

— Жена, давай родим девочку, — Чжоу Цинбай потерся о волосы своей жены.

Линь Цинхэ почувствовала себя не в своей тарелке. Эта тема уже давно не поднималась, так почему он снова заговорил об этом.

— Если я забеременею, то у нас будет ребенок, — сказала с сухой улыбкой Линь Цинхэ.

— Хорошо, — кивнул Чжоу Цинбай и поцеловал ее в шею.

— Я ничего не видел! — неизвестно когда появившийся в дверях Эрва прикрыл глаза большой щелью между пальцами.

Линь Цинхэ соскочила с Чжоу Цинбая и сухо кашлянула:

— Эрва, ты не постучал в дверь, прежде чем войти!

— Дело не в этом. Дверь не была закрыта, — ответил Чжоу Эрва.

— Отец, мать, быстро выходите и давайте есть. Пельмешки с луком не так хороши, когда они холодные, — крикнул снаружи Чжоу Дава.

Чжоу Цинбай повел Линь Цинхэ есть. А Эрва захихикал от удовольствия.

Вся семья дружно съела луковые пельмени с пшенной кашей. Эти два блюда отлично сочетались друг с другом.

Надо сказать, что пельмени, приготовленные Линь Цинхэ, был слишком аппетитными. Главная причина заключалась в том, что женщина не жалела масла, при обжарке лука-шалот, поэтому он получился очень ароматным.

Саньва был еще слишком мал, чтобы есть много лука-шалот, поэтому Линь Цинхэ позволила ему съесть два пельменя и доест пшенную кашу.

Дава и Эрва она ни в чем не ограничивала. Они уже не были маленькими, поэтому могли есть больше.